

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2018.3.1>

UDC 330
LBC 65.01

ECONOMIC THEORY: VARIABILITY OF DEVELOPMENT

Vasily V. Chekmarev

Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation

Elena M. Skarzhinskaya

Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation

Vladimir V. Chekmarev

Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation

Abstract. The paper argues the ideas developing the provisions of behavioral economics as a branch of economic theory. The authors substantiate a new method of studying the economic space, called 'the dialogue between the individual and the environment', characterize the causes of deformation in the development of economic relations, taking into account the features of economic space as a certain dynamic structure with peculiar topological properties.

The research is focused on the task of identifying the main characteristics of economic space and pointing out those responsible for the development of socially inefficient institutions. The authors develop the concepts of balance and stability as applied to economic space, and work out the spatial approach to the study of economic relations.

It is argued that the use of topological model makes it possible to set mathematically correct tasks of dealing with institutional crises as perturbations of the economic space.

It is proved by the example of one of the types of organizational cultures, that the method proposed by the authors allows moving from the descriptive character of models to the content one. The proposed approach lets carry out a synthesis of theory and practice and thereby answer the question – why economics and practice are always there, but not together.

Key words: economic space, method of dialogue between the individual and the environment, behavioral economics, socially inefficient institution, topological models.

Citation. Chekmarev V.V., Skarzhinskaya E.M., Chekmarev V.V. Economic Theory: Variability of Development. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Ekonomika. Ekologiya* [Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System], 2018, vol. 20, no. 3, pp. 5-13. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2018.3.1>

УДК 330
ББК 65.01

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ВАРИАТИВНОСТЬ РАЗВИТИЯ

Василий Владимирович Чекмарев

Костромской государственной университет, г. Кострома, Российская Федерация

Елена Матвеевна Скаржинская

Костромской государственной университет, г. Кострома, Российская Федерация

Владимир Васильевич Чекмарев

Костромской государственной университет, г. Кострома, Российская Федерация

Аннотация. В статье аргументируются идеи, развивающие положения такого направления экономической теории, как поведенческая экономика. Обосновывается новый метод изучения экономического пространства, названный авторами «диалог индивида с окружающей средой». Дается характеристика причин деформации в развитии экономических отношений с учетом особенностей экономического пространства как некой динамической структуры с определенными топологическими свойствами.

Решается задача выявления основных характеристик экономического пространства, установления тех из них, которые ответственны за тенденции развития общественно неэффективных институтов. Развита понятия равновесия и устойчивости применительно к экономическому пространству. Осуществлено последовательное развитие пространственного подхода к исследованию экономических отношений.

Сформулировано положение о том, что с помощью топологической модели можно математически корректно ставить задачи об институциональных кризисах как о возмущениях экономического пространства.

Доказано, на примере одного из типов организационных культур, что предлагаемый авторами метод позволяет перейти от описательного характера моделей – к содержательному. Предлагаемый подход позволяет осуществить синтез теории и практики и тем самым дать ответ на вопрос, почему экономическая наука и практика всегда рядом, но не вместе.

Ключевые слова: экономическое пространство, метод диалога индивида с окружающей средой, поведенческая экономика, общественно неэффективный институт, топологические модели.

Цитирование. Чекмарев В. В., Скаржинская Е. М., Чекмарев В. В. Экономическая теория: вариативность развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3, Экономика. Экология. – 2018. – Т. 20, № 3. – С. 5–13. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2018.3.1>

Предварительные замечания

Парадоксальным можно назвать положение: экономическая теория до настоящего времени не имеет однозначно определенного предмета науки. В традиционной политической экономии (которую иногда называют классической теорией) предметом исследования служат производственные отношения, возникающие по поводу производства, распределения, обмена и потребления товаров и зависящие от уровня развития производительных сил. В неоклассической теории предметом исследования является выбор в условиях ограниченности ресурсов. Современные экономические теории, альтернативные неоклассике, исследуют поведение индивидов и поведение агрегированных субъектов (фирма, корпорация, правительство), основываясь на гипотезах, не входящих в жесткое ядро неоклассики, и, в частности, на гипотезе об ограниченной рациональности субъектов. Поведение субъектов реализуется в присутствии данному обществу экономической системе. По определению Ф. Прайора, экономи-

ческая система включает все институты, организации, законы и правила, традиции, убеждения, позиции, оценки, запреты и схемы поведения, которые прямо или косвенно воздействуют на экономическое поведение (цит. по: [15]). Следовательно, предметом исследования современных институциональных теорий, может быть в неявной форме, является экономическая система. Присутствие в определении предмета исследований термина «система» уже вызывает ожидания, что в качестве методологии будет использован системный анализ, а в качестве теоритического основания – системный подход.

Системная экономическая теория, или новая теория экономических систем, стала результатом развития системной парадигмы в экономических исследованиях. Отличительной особенностью этой концепции является подход к определению системы как целостного образа реальности, обладающего двумя группами размерных характеристик – пространственной и временной. Следовательно, как отмечает М. Рыбачук, «каждая система

может быть идентифицирована в пространственно-временной плоскости через критерий ограниченности по двум уникальным параметрам» [8]. Член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер полагает, что при этом возможны всего четыре их комбинации, на основе которых формируется базовая типология экономических систем, включающая объектные, средовые, процессные и проектные системы, принципиально различные по своей природе и свойствам [2–4]. Однако системный анализ и системный и подход не оперируют понятиями «расстояние», «теснота связи» и «изоморфизм» и еще рядом понятий, используемых в функциональном анализе для описания математических пространств. Без использования подобных понятий трудно не только понять, но и точно сформулировать весьма важные и актуальные для современной хозяйственной жизни России вопросы.

Вопрос первый: какими именно особенностям экономической системы в России можно объяснить столь неожиданный результат экономических реформ и странную мутацию либеральных институтов? Ссылки на особую ментальность индивидов и, как следствие, на необходимость особого пути носят чисто литературный характер. Очевидно, эффект отторжения или мутации институтов происходит в результате диалога индивидов с некой интерактивной средой, включающей все элементы, приведенные Ф. Прайором в определении экономической системы. При этом на первый план выступают пространственные характеристики этой среды, которые совершенно игнорируются при использовании системных понятий. К таким характеристикам, как замкнутость (открытость), плотность (разреженность), расстояние и т. д., присущим математике и физике, часто прибегают разработчики теории, но используют их чисто метафорически.

Вопрос второй: почему в начале третьего тысячелетия Россия обнаруживает склонность к имперской организации общественной жизни, тогда как во всем мире век империи давно миновал? Российская империя и Советский Союз строились на совершенно различных парадигмах, представляли собой совершенно различные экономические системы, регулировались совершенно различными институтами, но при этом были подобны друг другу в опреде-

ленном отношении. Это подобие в большей степени касается формы, пространственной структуры общества, чем экономического содержания, следовательно, для описания такого рода феноменов требуется взгляд на экономическую систему как некоторое пространство. Но здесь нас подстерегает терминологическая путаница, так как термин «экономическое пространство» часто используется для определения какой-либо территории, на которой действуют единые институты (таможенные, налоговые и пр.), регулирующие на этой территории экономические процессы.

Основная авторская аргументация

Наша концепция строится на ином смысле экономического пространства. Элементами этого пространства являются и экономические субъекты (индивиды, фирмы, организации), и структура и форма, то есть геометрия пространства, которая определяется связями между его элементами (экономическими отношениями).

Возникают вопросы о допустимости и продуктивности введения в экономическую теорию новых понятий: не стоит ли за этим вводом терминологическая путаница или же просто тавтология? Мы считаем, что наша концепция (для которой эти понятия необходимы) позволит сформулировать в терминах экономической теории проблемы, которые до сих пор имели лишь словесно-образное отражение. Более того, определение в качестве предмета исследования экономического пространства позволяет получать теоретические проблемы, сформулированные математически корректно и, на наш взгляд, достаточно адекватные реальности.

По определению, данному в одной из предыдущих наших публикаций, экономическое пространство – это пространство, образованное: а) физическими и юридическими лицами (субъектами), которые для реализации своих экономических потребностей и выражающих эти потребности экономических интересов вступают в экономические отношения; б) физическими и нефизическими объектами, являющимися источниками экономических интересов и экономических отношений [11]. Понятие экономических отношений, его связь с экономическим поведением и совокупностью институтов,

правил и норм уточняется в другой нашей работе следующим образом: экономические отношения определяются как процесс энергоинформационного обмена между субъектами, в котором заинтересован хотя бы один из этих субъектов [9]. Этот процесс характеризуется продуктом обмена (им может быть товар, услуга, информация, либо это может быть процессом статусного обмена) и нормой или правилами, регламентирующими процесс обмена.

Базовые понятия нашей концепции обсуждены в ряде наших ранних работ, в которых описаны принципы построения математической модели, соответствующей предлагаемой концепции и строящейся методами топологии [9; 11].

Причины деформаций в развитии экономических отношений в современной России, а также причины появления и закрепления общественно вредных институтов (криминальных, коррупционных, номенклатурно-олигархических) мы связываем с особенностями экономического пространства как некоей динамической структуры с определенными топологическими свойствами. Поэтому одной из первоочередных задач исследования являются выявление и обоснование основных характеристик экономического пространства.

Далее требуется установить, какие именно характеристики ответственны за тенденции развития общественно неэффективных институтов. Среди характеристик экономического пространства (то есть основных переменных в этой модели, которую мы намерены построить) необходимо выделить: а) переменные, которые наиболее быстро реагируют на текущее состояние экономики и б) переменные, значения которых относительно устойчивы. Мы предполагаем, что переменные из первой группы с их высокой эластичностью по отношению к рыночным факторам следует связать с адаптационными возможностями общества в краткосрочном периоде, тогда как переменные из второй группы отражают индивидуальные черты национальной экономики и обеспечивают стабильность и преемственность общества. Другими словами, одной из задач исследования является выделение тех переменных, которые обеспечивают изменчивость и наследственность в развитии экономических отношений.

Изменение экономического пространства на основе повышения плотности экономических отношений является посылкой для появления новых их характеристик и типов. Однако на изменение экономического пространства влияют и другие факторы. Одним из них является усиливающаяся дифференциация политического устройства мира, которая имеет свою логику и переформатирует ранее сформулированные экономические законы вплоть до обнуления некоторых из них. Еще одним фактором является беспрецедентный рост финансовоэкономики. Сопоставление экономики как реальной экономики и финансовоэкономики как виртуальной экономики дает полезную рамку для понимания того, как изменяется экономическое пространство, для прогнозированной динамики и ее форм экономического развития при достижении политического консенсуса.

В задачи исследования входит также развитие понятий равновесия и устойчивости применительно к экономическому пространству. Президент РФ в своем Послании Федеральному собранию (2018 г.) подчеркнул, что устойчивость не является гарантией развития. Интерес к проблемам устойчивости связан с тем, что на протяжении последнего столетия Россия по крайней мере дважды пережила сильнейшие институциональные потрясения; в значительной степени это относится и к другим странам. Такие потрясения, естественно, ассоциировались с потерей равновесия сложной физической системы, после чего физическая система либо разрушается, либо переходит в другое равновесное состояние (устойчивое или неустойчивое). Формы равновесия после потери устойчивости служат в физике одной из важнейших черт при описании физических систем, дают возможность прогнозировать реакцию системы на сильные внешние воздействия. В экономической теории проблема равновесия рассматривается в различных подходах: равновесие Нэша – Курно, Парето-равновесие и т. д., – но эти подходы применимы при условии, что существуют определенные правила игры, о которых осведомлены все участники конфликта, при условии стабильности форм и правил, регулирующих экономические отношения.

Мы ставим задачу исследовать ситуации, когда изменяются эти нормы и правила, то есть

ситуации, при которых экономические субъекты вынужденно или свободно отказываются от ранее существовавших правил поведения, при том, что новые правила либо только формируются, либо до конца не освоены экономическими субъектами. Такие ситуации можно назвать потерей институционального равновесия. Очевидно, что затем общество либо находит новое состояние равновесия (устойчивое или неустойчивое), либо не находит такого состояния, и тогда развивается «процесс домино». Между тем страны третьего мира демонстрируют исторический опыт, когда возникает целая цепь институциональных кругов, состояния равновесия крайне неустойчивы, но, тем не менее, сохраняются определенные социальные связи и институты (например, семья, или родоплеменные структуры, или религиозные общины). Естественно предположение, что следует различать уровни экономического пространства (нано-, нано-, микро-, мезо-, макро-, суб-, мегауровни) и рассматривать экономические отношения на каждом из таких уровней, тогда можно будет формулировать задачи о потерях равновесия на высоких уровнях экономического пространства при сохранении равновесия на низких уровнях.

Такого рода проблемы практически не обсуждаются в экономической литературе, что выглядит весьма странным в свете исторического опыта последнего столетия. Возможно, этот факт объясняется тем, что мейнстрим экономической теории разрабатывается авторами, культурно принадлежащими к стабильным и развитым европейскому или американскому обществам. Кроме того, общеизвестны трудности, возникающие при моделировании неравновесных процессов. Тем не менее исследование экономических отношений и трансформаций экономического пространства в процессе переходов от одного положения неустойчивого равновесия к другому совершенно необходимо, поскольку необходимо научное осознание вызова, возникшего в обществе [6; 7; 17].

Последовательное развитие пространственного подхода к исследованию экономических отношений расширяет возможность для применения методов топологического моделирования. Эти методы позволяют корректно использовать такие важные понятия,

как изоморфизм и гомоморфизм при диагностике конфликтов между старыми и новыми институтами, или при осуществлении экономических реформ. Разработка понятия «экономические отношения» открывает новые методологические подходы, позволяющие смягчить дихотомию двух принципов – холизма и методологического индивидуализма, разделяющих два основных направления институциональных экономических теорий.

В нашей разработке экономическое пространство рассматривается как *процесс диалога индивида с окружающей его средой*. В процессе этого диалога среда структурируется, принимает определенные топологические свойства, но вместе с тем под воздействием этого диалога изменяется и экономическое поведение индивида и само видение им ситуации [1; 10]. Такой подход согласуется с пониманием характеристик экономического пространства как функций, зависящих от личных качеств индивида, его общественного статуса, мировоззрения, экономического положения. Для реализации подхода необходимо введение понятий окрестности и метрики, то есть переход к топологическому пространству как к модели экономического пространства.

С помощью топологической модели можно математически корректно ставить задачи об институциональных кризисах как о возмущениях экономического пространства. Это, в свою очередь, позволяет формулировать проблемы равновесия и проблемы устойчивости по отношению к экономическому пространству. Что является наиболее важным, пространственный подход к проблемам экономики дает нам возможность сделать более прозрачным тот «фактор X », который ввел Х. Лейбенштайн [5].

Причины X -эффективности (неполнота трудовых договоров, неполная спецификация производственных функций и ее неопределенность, рыночная недоступность ряда ресурсов) должны, видимо, проявляться в большей степени в транзитивной экономике, нежели в экономике стабильной. С другой стороны, X -фактор, как и другие мотивационные факторы, можно перевести с языка социальной психологии на язык современной экономической теории только при использовании пространственного подхода.

Чтобы продемонстрировать возможность топологического моделирования, рассмотрим применение этого метода к анализу некоторых идеальных типов организационных культур по типологии Ч. Хэнди [15]. Однако в работах Ч. Хэнди (а также А. Вилдавского [18]) мы не находим четкого определения понятия организационной культуры. В контексте же этих работ ее можно определить как совокупность ценностей, приоритетов, усвоенных норм и правил, присущих какому-либо объединению людей. Такое понимание позволяет связать понятие организационной культуры с понятием экономической системы в определении Ф. Прайора, использованным в начале нашей статьи. Однако в подходах Ч. Хэнди и А. Вилдавского есть одна отличительная черта: в них акцентируется структура объединения индивидов, то есть акцентируются качества этого объединения как части некоторого экономического пространства (в нашем понимании этого термина). Возможно, что в самом смешении понятий «организационная культура» и «структура организации» у Ч. Хэнди есть определенный смысл. С позиции очевидности можно утверждать, что часто характер ценностей, норм, правил, привычек и навыков поведения, свойственный какому-либо объединению индивидов, имеет непосредственную связь с характером и топологией отношений между индивидами, то есть со структурой этого объединения. Метод топологического моделирования позволяет выявить двустороннюю связь: с одной стороны, структура оказывает влияние на развитие институтов внутри объединения индивидов, с другой – сам характер этих институтов армирует структуру экономических отношений и, как следствие, топологию объединения индивидов.

Заслуживает обсуждения правомерность применения термина «организация» в названных выше работах. Она может быть объяснена в данном контексте, если принять во внимание, что отношения между индивидами и обмены между индивидами внутри их объединений регулируются и регламентируются в основном не рыночными, а организационными механизмами (например, административными методами, или с помощью принуждения). По этим причинам подход и терминология Ч. Хэнди (известного английского специалис-

та в области менеджмента) вполне согласуется с нашим подходом к институциональной теории. Как будет показано ниже, топологический метод позволяет сделать более определенными взаимосвязи между экономическими отношениями и институциональными структурами.

Ч. Хэнди вводит четыре идеальные модели организационных культур: 1) культура власти (или сетевая культура, «паутина») – основана на сильной центральной власти, которая жестко регламентирует поведение индивидов, фактически лишая их свободы экономического поведения; 2) позиционная, или ролевая культура (или культура «храма»), – такая культура свойственна организациям с большим бюрократическим аппаратом (банкам, крупным заводам, образовательным учреждениям); важна функция, роль индивида и организации, ценится исполнительность, неприемлемы индивидуализм и отсутствие духа корпоративности; 3) матричная культура (или кластерная культура, или культура задач) – индивиды находятся в узлах матричной структуры, связи (экономические отношения) обусловлены текущими задачами (исследовательскими проблемами, в частности, или общими экономическими интересами в другом случае); для такой структуры характерно отсутствие единого лидера, а также выраженной централизации; 4) индивидуальная культура (или культура «звезд») – такой тип культуры может возникнуть в сообществе людей, объединенных совместным использованием ресурсов (например, золотоискатели, объединившиеся в артель, или адвокаты, объединившиеся для совместной аренды помещения); индивиды в этой культуре обладают высокой степенью свободы, а нормы и правила, усвоенные индивидами, регулируют расходование общих ресурсов, распределение издержек и разрешение конфликтных ситуаций.

В литературе отмечается (Л. Колесникова и В. Перекрестов), что применение данных моделей ограничено их описательной природой и косвенным характером взаимосвязи экстремальных типов культур и структур. Однако предлагаемый нами метод позволяет перейти от описательного характера моделей к содержательному и высветить именно структурные, пространственные характеристики каждого из приведенных типов культур [16; 19].

Будем отождествлять некоторое гипотетическое объединение индивидов с метрическим топологическим пространством. Из этого следует, что для двух любых «точек» (индивидов) определено расстояние между ними; это понятие получит содержательный смысл, если расстояние $p(x, y)$ прямо зависит от степени взаимного влияния экономических поведений субъектов x и y . Обозначим $f(x \rightarrow y)$ – функцию, выражающую степень влияния экономического поведения индивида x на экономическое поведение индивида y (или, что то же самое, степень зависимости поведения « y » от поведения « x »). Аналогично: $f(y \rightarrow x)$ – функция, выражающая степень влияния экономического поведения индивида y на экономическое поведение индивида « x ».

Расстояние между индивидами x и y определим по формуле:

$$p(x, y) = 1 / (f(x \rightarrow y) + f(y \rightarrow x)). \quad (1)$$

При таком определении расстояния будут справедливы следующие аксиомы:

1. Расстояние $p(x, y) = 0$ тогда и только тогда, когда $x = y$.

2. Аксиома треугольника $p(x, y) + p(y, z) > p(x, z)$, из которой следуют свойство неотрицательности $p(x, y) > 0$ и свойство коммутативности $p(x, y) = p(y, x)$.

Заметим, что первая аксиома, а также свойства неотрицательности и коммутативности непосредственно следуют из определения расстояния по формуле (1), тогда как неравенство треугольника выполняется только при некоторых условиях.

Рассмотрим выполнение этих условий на примере первой из моделей Ч. Хэнди, то есть на примере культуры власти («паутины»).

Основные черты этого объединения индивидов (то есть высокая зависимость поведения рядовых индивидов от поведения его «центра»; относительная однородность множества рядовых членов организации в их взаимоотношениях с «центром») дают нам возможность сформулировать ряд гипотез относительно функций влияния $f(z \rightarrow x)$, $f(z \rightarrow y)$, выражающих зависимость поведения индивида z («центр», или «лидер» объединения) от поведения индивидов x и y (рядовых членов объединения, или «аутсайдеров») и функций

$f(x \rightarrow z)$, $f(y \rightarrow z)$, выражающих обратное влияние. Будем считать справедливыми следующие условия:

1. Неравенства, отражающие более высокую зависимость «аутсайдера» от «лидера», нежели зависимость «лидера» от «аутсайдера»: $f(z \rightarrow x) > f(x \rightarrow z)$, $f(z \rightarrow y) > f(y \rightarrow z)$.

2. Уравнения $f(z \rightarrow x) = f(z \rightarrow y)$, которые верны для любых пар x и y и отражают равные степени зависимости от «центра» у всех рядовых индивидов изданного объединения.

3. Уравнения $f(x \rightarrow z) = f(y \rightarrow z)$, также верные для всех x, y ; эти уравнения отражают свойство равной степени зависимости «центра» ото всех рядовых индивидов (можно назвать это свойство «однородностью обратной связи», а свойство, выраженное выше, назвать свойством «однородности прямой связи»).

4. Неравенства $f(z \rightarrow x) > f(y \rightarrow x)$, $f(z \rightarrow y) > f(x \rightarrow y)$, отражающие свойство большей зависимости индивидов x, y от «центра», нежели друг от друга.

5. Неравенство $1 / (f(x \rightarrow y) + f(y \rightarrow x)) < 1 / (f(x \rightarrow z) + f(z \rightarrow x))$, $f(y \rightarrow z) + f(z \rightarrow y)$, которое следует из аксиомы «треугольника» и определения расстояния по формуле (1).

Введем обозначения: $f(z \rightarrow x) = f(z \rightarrow y) = f_d$ – сила прямого влияния «центра» на рядовых индивидов (или сила прямой связи), $f(x \rightarrow z) = f(y \rightarrow z) = f_r$ – сила обратного влияния рядовых индивидов на «центр» (или сила обратной связи), $(f(x \rightarrow y) + f(y \rightarrow x)) / 2 = f_h$ – сила взаимного влияния рядовых индивидов (или сила горизонтальной связи). Можно получить из условий 1–5 неравенство, накладывающее ограничения на значения, которые функция f_h (сила горизонтальной связи) может принимать в объединении индивидов по типу «паутины».

Заключение

Применение топологической модели дает возможность для описания возможных сценариев развития данной организационной культуры: 1) если в процессе эволюции происходит относительное уменьшение силы горизонтальных связей по сравнению с силой прямых и обратных связей, то соответствующее топологическое пространство теряет свойства метрического пространства; 2) если для процесса

эволюции характерна противоположная тенденция, то объединение индивидов утрачивает черты, характерные для «паутины». Мы ограничимся в этой публикации применением метода топологического моделирования только к одному типу организационных культур, описанных Ч. Хэнди (к «паутине» или к культуре власти). Это объясняется тем обстоятельством, что именно такая структура является типичной для многих криминальных и нелегитимных объединений индивидов. Более того, такая структура является, по-видимому, одной из самых архаичных в истории человечества, а институциональные кризисы вызывают на сцену, как правило, самые примитивные и архаические формы объединения людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захаров, Н. И. Поведенческая экономика, или Почему в России хотим как лучше, а получается как всегда / Н. И. Захаров. – М. : ИНФРА-М, 2017. – 213 с.
2. Клейнер, Г. Б. Новая теория экономических систем и ее приложения / Г. Б. Клейнер // Вестник РАН. – 2011. – Т. 81, № 9. – С. 794–811.
3. Клейнер, Г. Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Ч. I / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2015. – № 12. – С. 107–123.
4. Клейнер, Г. Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Ч. II / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2016. – № 1. – С. 37–48.
5. Лейбенштейн, Х. Аллокативная активность в сравнении с «Х-эффективностью» / Х. Лейбенштейн // Теория фирмы. – СПб. : Экономическая школа, 1995. – С. 477–506.
6. Минакир, П. А. Экономика и пространство (тезисы размышлений) / П. А. Минакир // Пространственная экономика. – 2005. – № 1 – С. 4–26.
7. Программы исследований в области пространственной экономики // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 108–124.
8. Рыбачук, М. А. Системно-сбалансированный подход к организации стратегического управления на промышленном предприятии / М. А. Рыбачук // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 4 (50). – С. 118–133.
9. Скаржинская, Е. М. Исследование систем экономических отношений методами топологического моделирования / Е. М. Скаржинская // Проблемы новой политической экономии. – 1999. – № 2. – С. 19–25.
10. Талер, Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной

экономики и как на этом заработать / Р. Талер. – М. : Изд-во «Э», 2017. – 368 с.

11. Чекмарев, В. В. К теории экономического пространства / В. В. Чекмарев // Проблемы новой политической экономии. – 1999. – № 3. – С. 4–11.
12. Экономическая теория (политэкономия) / под общей ред. В. И. Видяпина, Г. П. Журавлевой. – М. : ПРОМО-Медиа, 1997. – 607 с.
13. Batra, R. HANNOVER MESSE: US Manufacturing Is Resilient, Innovative, Increasingly Digital / R. Batra // Industry Week. – 2016. – № 18. – P. 23–29.
14. Fischer, S. If the World Really Is Flat, We Need a New Outlook on the Horizon / S. Fischer // Industry Week. – 2016. – № 14. – P. 63–72.
15. Handy, Ch. Understanding Organizations / Ch. Handy. – London : Penguin Books, 1993. – P. 180–191.
16. Hessman, T. Brilliant: How GE is Leading Manufacturing's Digital Revolution / T. Hessman // Industry Week. – 2016. – № 4. – P. 47–53.
17. Transforming Economics. Making Industrial Policy Work for Growth, Jobs and Development / J. M. Salazar-Xirinachs [et al.]. – Geneva, 2014. – 408 p.
18. Wildawsky, A. Choosing Preferences by Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formulation / A. Wildawsky // American Political Review. – 1987. – Vol. 81. – P. 3–21.

REFERENCES

1. Zakharov N.I. *Povedencheskaya ekonomika, ili Pochemu v Rossii khotim kak luchshe, a poluchayetsya kak vseгда* [Behavioral Economics, or Why in Russia It Is Always like We Tried our Best, you Know the Rest]. Moscow, INFRA-M Publ., 2017. 213 p.
2. Kleiner G.B. *Novaya teoriya ekonomicheskikh sistem i ee prilozheniya* [New Theory of Economic Systems and Its Applications]. *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2011, vol. 81, no. 9, pp. 794-811.
3. Kleiner G.B. *Ustoychivost rossiyskoy ekonomiki v zerkale sistemnoy ekonomicheskoy teorii. Ch. I* [Sustainability of the Russian Economy in the Mirror of the System Economic Theory: Part 1]. *Voprosy ekonomiki*, 2015, no. 12, pp. 107-123.
4. Kleiner G.B. *Ustoychivost rossiyskoy ekonomiki v zerkale sistemnoy ekonomicheskoy teorii. Ch. II* [Stability of the Russian Economy in the Mirror of the System Economic Theory: Part 2]. *Voprosy ekonomiki*, 2016, no. 1, pp. 37-48.
5. Leibenstein H. *Allokativnaya aktivnost v sravnenii s «X-effektivnostyu»* [Allocation Activity in Comparison with “X-Efficiency”]. *Teoriya firmy*

[Theory of the Firm]. Saint Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 1995, pp. 477-506.

6. Minakir P.A. *Ekonomika i prostranstvo (teziy razmyshleniy)* [Economics and Space (Theses of Reflection)]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2005, no. 1, pp. 4-26.

7. *Programmy issledovaniy v oblasti prostranstvennoy ekonomiki* [Research Programs in the Field of Spatial Economics]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2010, no. 2, pp. 108-124.

8. Rybachuk M.A. *Sistemno-sbalansirovanny podkhod k organizatsii strategicheskogo upravleniya na promyshlennom predpriyatii* [A System-Balanced Approach to the Organization of Strategic Management at an Industrial Enterprise]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [The Economic Revival of Russia], 2016, no. 4 (50), pp. 118-133.

9. Skarzhinskaya E.M. *Issledovanie sistem ekonomicheskikh otnosheniy metodami topologicheskogo modelirovaniya* [Investigation of Systems of Economic Relations by the Methods of Topological Modeling]. *Problemy novoy politicheskoy ekonomii*, 1999, no. 2, pp. 19-25.

10. Thaler R. *Novaya povedencheskaya ekonomika: pochemu lyudi narushayut pravila traditsionnoy ekonomiki i kak na etom zarabotat* [New Behavioral Economics: Why do People Violate

the Rules of Traditional Economy and How to Make Money on This]. Moscow, E Publ., 2017. 368 p.

11. Chekmarev V.V. *K teorii ekonomicheskogo prostranstva* [To the Theory of Economic Space]. *Problemy novoy politicheskoy ekonomii* [Problems of New Political Economy], 1999, no. 3, pp. 4-11.

12. Vidyapin V.I., Zhuravleva G.P., eds. *Ekonomicheskaya teoriya (politekonomiya)* [Economic Theory (Political Economics)]. Moscow, PROMO-Media Publ, 1997. 607 p.

13. Batra R. HANNOVER MESSE: US Manufacturing Is Resilient, Innovative, Increasingly Digital. *Industry Week*, 2016, no. 18, pp. 23-29.

14. Fischer S. If the World Really Is Flat, We Need a New Outlook on the Horizon. *Industry Week*, 2016, no. 14, pp. 63-72.

15. Handy Ch. *Understanding Organizations*. London, Penguin Books, 1993, pp. 180-191.

16. Hessman T. Brilliant: How GE is Leading Manufacturing's Digital Revolution. *Industry Week*, 2016, no. 4. pp. 47-53.

17. Salazar-Xirinachs J.M., et al. *Transforming Economics. Making industrial policy work for growth, jobs and development*. Geneva, 2014. 408 p.

18. Wildawsky A. Choosing Preferences by Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formulation. *American Political Review*, 1987, vol. 81, pp. 3-21.

Information about the Authors

Vasiliy V. Chekmarev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Economics and Economic Security, Kostroma State University, Dzerzhinskogo St., 17, 156005 Kostroma, Russian Federation, tcheckmar@ksu.edu.ru.

Elena M. Skarzhinskaya, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Business Informatics and Service, Kostroma State University, Dzerzhinskogo St., 17, 156005 Kostroma, Russian Federation, yelena.skarzhinsky@gmail.com.

Vladimir V. Chekmarev, Candidate of Sciences (Economics), Candidate for a Doctor's Degree, Department of Economics and Economic Security, Dzerzhinskogo St., 17, 156005 Kostroma, Russian Federation, Vladimir.chekmarev@yandex.ru.

Информация об авторах

Василий Владимирович Чекмарев, доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и экономической безопасности, Костромской государственной университет, ул. Дзержинского, 17, 156005 г. Кострома, Российская Федерация, tcheckmar@ksu.edu.ru.

Елена Матвеевна Скаржинская, доктор экономических наук, профессор, кафедра бизнес-информатики и сервиса, Костромской государственной университет, ул. Дзержинского, 17, 156005 г. Кострома, Российская Федерация, yelena.skarzhinsky@gmail.com.

Владимир Васильевич Чекмарев, кандидат экономических наук, докторант, кафедра экономики и экономической безопасности, Костромской государственной университет, ул. Дзержинского, 17, 156005 г. Кострома, Российская Федерация, Vladimir.chekmarev@yandex.ru.